

К. БАСИЛАШВИЛИ

Роман Набокова «Соглядатай»

В исследовательской литературе роман «Соглядатай» оценивается как принципиально новое для творчества Набокова-Сирина, 1920 — начала 1930 годов произведение. Н. Берберова считает, что «Соглядатай» что-то в корне изменил в калибре произведений — они перестали уместаться под своими обложками. От «Соглядатай» — к «Отчаянию», от «Отчаяния» — к «Приглашению на казнь» — таков был путь Набокова*. Мнение Берберовой находит отражение и в современных работах: «С публикацией «Соглядатай», — пишет американский исследователь Дж. В. Коннолли, — творчество Набокова принимает иное течение»**, «Соглядатай» является «...той самой рамкой, которая впоследствии придаст творчеству Набокова его уникальную форму»***. Новой, по мнению исследователя, явилась такая тема: герой «...пытается защитить себя от потенциальных оценок окружающих путем создания фиктивного alter ego»****. (Перевод наш. — К. Б.) В. Ерофеев также считает, что «Соглядатай» — «самое откровенное сирийское произведение, в котором сошлись и обнажены ведущие линии его творчества»*****.

* Берберова Н. Н. Набоков и его Лолита. См. наст. изд.

** Connolly J. W. A fondness for the mask // Connolly J. W. Nabokov's early fiction: patterns of self and other. Cambridge, 1992. P. 101

*** Ibid. P. 117

**** Ibid. P. 102.

***** Ерофеев В. В. Примечания к «Соглядатаю» // Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. II. С. 445. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

И в прижизненных рецензиях и в современных исследованиях наибольшее внимание уделяется не анализу текста, а оценке личности героя. Сразу же сформировались две основные точки зрения на повествователя. Впервые мы встречаемся с ними в статьях В. Ходасевича и В. Вейдле. Вейдле относит его к истинным творцам и ставит в один ряд с Лужиным, Пильграмом, Германом и Цинциннатом. Судя по всему, определяя Пильграма, Цинцинната и повествователя в «Соглядатае» как «...разнородные символы творца, художника, поэта» *, критик не причисляет их к людям, создающим художественные ценности, а имеет в виду следующий смысл: отношение к жизни как к творчеству, поэтическое видение мира.

Ходасевич, напротив, размышляя о герое «Соглядатая», подчеркивает, что под словом «творец» он подразумевал именно «писателя», считая, что в «Соглядатае» представлен художественный шарлатан, самозванец, человек бездарный, но существу чуждый творчеству, но пытающийся себя выдать за художника». По мнению Ходасевича, повествователь и «в мире творчества никогда не был» **. Я попытаюсь частично опровергнуть эту точку зрения. Повествователь не претендует на высокое звание писателя. Просто творчество для него — это единственная возможность выжить.

В последнее время наметилась тенденция отождествлять повествователя в «Соглядатае» с убийцей Германом из «Отчаяния»: «И подлец Смуров в “Соглядатае”, и неудачливый убийца — писатель Герман в “Отчаянии” пребывают в плену превратных, искаженных представлений о самих себе и о других людях, об искусстве и реальности и потому терпят унижительное поражение в схватках с судьбой. Они претендуют на роль гениев-провидцев, а на самом деле оказываются самозванцами, позерами, имитаторами, проецирующими вовне свое гипертрофированное “я” и порождающими ложную картину мира» ***. Как близких, однородных по сути персонажей оценивает Германа и повествователя-Смурова Коннолли, считая, что они как «...творческие личности пытаются побороть в себе чувство тревоги относительно того, насколько окружающие способны понять и оценить их» ****.

* Вейдле В. В. Сирин «Отчаяние» // Круг. Берлин, 1936. № 1.

** Ходасевич В. Ф. О Сирине. См. наст. изд.

*** Долинин А. «Двойное время» у Набокова (от «Дара» к «Лолите») // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 296.

**** Connolly J. W. Op. cit. P. 101.

Набоков не склонен был отождествлять этих своих героев: «...силы воображения, которые в конечном счете суть силы добра, неизменно на стороне Смурова...» *, но «Германа же Ад никогда не помилует» **.

Примирающей эти точки зрения я считаю следующую мысль В. С. Федорова: «В отличие от Германа в “Отчаянии” Смуров понимает, что “пошловат, подловат”, он не агрессивен в своем писательском самоутверждении (о своем литературном даре он говорит вскользь, не настаивая на нем), он не пишет, а просто счастлив тем, что может глядеть на себя, “ибо каждый человек занятен”» ***.

Д. В. Коннолли исследует линию главного героя в контексте раннего творчества Набокова. По мнению автора, запечатленный Набоковым в рассказе «Ужас» «...страх героя при столкновении с абстрактным понятием “другого”, получивший развитие в “Защите Лужина” как страх человека перед абстрактным иным», в “Соглядатае” повествователь пытается победить, “захватив в свои руки рычаги созидания”» **** (перевод наш. — К. Б.).

В работе Коннолли намечены параллели, связывающие «Соглядатая» с «Двойником» Ф. М. Достоевского. Коннолли предполагает, что «При разработке процесса раздвоения Набоков во многом находился под воздействием романа Достоевского». Автор отмечает такие общие черты у Голядкина и повествователя, как «...беззащитность и ощущение раздвоения после перенесенного унижения» *****. Также указывается на различное отношение Голядкина и повествователя к своим двойникам.

Интересен и другой тезис автора. Он полагает, что повествователь в «Соглядатае» берет на себя функцию создателя, мыслит себя автором созданного им мира, получает «власть и независимость для самого себя путем обретения новой роли — роли автора» 6*. Между повествователем и его alter ego Смуровым возникают отношения типа «автор — литературный персо-

* Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Соглядатай» («The Eye»). См. наст. изд.

** Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Отчаяние» («Despair»). См. наст. изд.

*** Федоров В. Отчаяние и надежда Владимира Набокова // Набоков В. В. Соглядатай. Отчаяние. М., 1991. С. 11.

**** Connolly J. W. Op.cit. P. 101.

***** Ibid. P. 103.

6* Ibid. P. 107.

наж»: «...отношение повествователя к Смурову сродни отношению автора, болезненно реагирующего на отклики по отношению к его созданию» *.

Повествователю-Смурову все же не удастся сохранить автономность созданного им мира. Стоит реальности вторгнуться в выдуманный повествователем мир, как всякая иллюзия его изолированности разрушается. По мнению Коннолли, финальные слова героя не свидетельствуют о том, что он действительно счастлив. «Состояние пассивного наблюдения кажется стерильным и пустым. Быть всего лишь наблюдателем, лишенным подлинного человеческого общения означает духовную смерть» **. (Перевод наш. — К. Б.)

Учитывая приведенные точки зрения, я выскажу несколько замечаний, дополняющих то, что уже было сделано литературоведами, или несколько иначе ставящих проблему.

Начну с заглавия. По Далю, соглядатай — это тайный разведчик, подосланный наблюдатель, ищейка, шпион. Действительно, не прав ли Вайншток, может быть Смуров — «ядовитая ягодка», советский шпион? Это самое простое толкование.

Другой мотив сложнее. Не является ли соглядатаем сам читатель, наблюдающий за текстом, который рождается у него на глазах? Образ Смурова не описывается автором, а постепенно возникает из рассказов и мнений персонажей романа. В русской литературе этот способ повествования был известен со времен «Евгения Онегина» и служил для сохранения подчеркнутой объективности. Набоковым он доведен до крайнего предела, когда бедный читатель все время теряется и не может сразу определить — кто же ведет повествование — персонаж, главный герой, повествователь?

Образы Смурова могут возникать и исчезать, но каждый «новый» Смуров не будет истинным, а только еще одним из возможных его проявлений, запечатлевшимся в сознании того или иного персонажа. То ли Смуров, то ли повествователь специально указывают на это обстоятельство: »Ведь меня нет, есть только тысячи зеркал, которые меня отражают. С каждым новым знакомством растет население призраков, похожих на меня. Меня же нет». Подчеркнем парадоксальное завершение этой мысли: «Но Смуров будет жить долго» (II, 344).

Процесс становления образа Смурова происходит примерно по такой схеме. Возникнув в сознании персонажа или повество

* Ibid. P. 108.

** Ibid. P. 117.

посторонним» (II, 310), он может начать новое существование после смерти.

Незащищенность повествователя, его бесконечный самоанализ — наследие Поприщина и господина Голядкина. Два текста проступают сквозь словесную ткань «Соглядатая» — «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Двойник» Достоевского.

Рассказчик в «Двойнике» Достоевского так говорит о своем персонаже после эпизода его унижения: «Господин Голядкин был убит, убит вполне, в полном смысле слова...» *. Набоков эту метафору реализовал и с нее начал свое произведение.

Коннолли отмечает, что для Голядкина его двойник — «это прежде всего источник мучений и гнева: он чувствует, что его место в обществе занято более умным и искусным «вторым я». В то же время для рассказчика в «Соглядате» присутствие двойника скорее «служит источником потенциального удовольствия. Он надеется разделять успехи своего «второго я» без каких-либо негативных последствий для самого себя» **. Но и здесь, по мнению исследователя, Набоков расширил стратегию, намеченную Голядкиным, когда тот стремился защититься от суждений окружающих. Пораженный неожиданной встречей с одним из своих начальников, Голядкин раздумывает: «...или прикинуться, что не я, а кто-то другой, разительно схожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я. не я да и только!» (I, 113). Впоследствии он пытается предотвратить возможные неприятности, применяя вариант той же стратегии: «Я буду так — наблюдателем посторонним буду, да и дело с концом..., а там, что ни случилось, — не я виноват» (I, 223).

Именно этот способ поведения — постороннее наблюдение, соглядатайство — выбирает Смуров. А повествователь, отделив себя от Смурова, получает возможность относиться к себе «как к постороннему» и скрывается под завесой непричастности или свободы от ответственности.

Существует и более скрытая «цитация» из текстов Достоевского. Перед самоубийством, в минуту, когда все оставшиеся у героя связи с миром разрываются, Смуров видит в зеркале свое отражение: «Пошлый, несчастный, дрожащий маленький человек в котелке стоял посреди комнаты, почему-то потирая

* Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. М., 1972. Т. 1. С. 138. Все ссылки на это издание см. в тексте с указанием номера тома и страницы.

** Connolly J. W. Op. cit. P. 104.

руки» (II, 305). Возникает вопрос, отчего простое «потирание рук» вводится в текст с недоуменной, заставляющей читателя останавливаться интонацией, подчеркнутой словом «почему-то». Зеркало выдало отражение не только повествователя, но и Голядкина. Ведь это он, Голядкин, имеет привычку «потирать руки»: «крепко потер руки» (I, 110), «судорожно потер себе руки» (I, 112).

То же самое относится к манере передвигаться «семена»: «...семенил, семенил, в облачке ландышевой сырости» (II, 342). Ее герой-повествователь «Соглядатая» «заимствует» как у господина Голядкина-старшего, так и у его опасного двойника, который «...тоже шел торопливо, ...так же, как и господин Голядкин, ... дробил и семенил по тротуару Фонтанки ...» (I, 140).

Фабульное совпадение, подкрепленное скрытой цитатой из «Записок сумасшедшего», — страсть к женщине, тщетная надежда, что она отвечает взаимностью и уверенность в том, что он-то уж сможет сделать ее жизнь счастливой, «роднит» Поприщина со Смуровым.

Гоголь

«Я сказал только, что счастье ее ожидает такое, какого она и вообразить себе не может, и что, несмотря на козни неприятелей мы будем вместе» *.

Набоков

«...я быстро осветил чудесную перспективу нашего возможного счастья вдвоем» (2, 341).

Повествователь в «Соглядатае», следуя за своими предшественниками, уходит в мир вымысла: «Вера в призрачность моего существования давала мне право на некоторые развлечения» (II, 310). Одним из таких развлечений становится «соглядатайство» за чрезвычайно многоликой личностью, неким Смуровым, за сумрачной фамилией которого скрывается сам повествователь. Смуров — социальное лицо повествователя, Именно на это лицо он натягивает различные маски. Он всякий раз старается отыскать и надеть такую маску, которая в точности соответствовала бы сложившимся у людей представлениям о типичном поведении, например: романтического героя, развратного Дон Жуана, таинственного «агента» или счастливого влюбленного.

* Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1952. Т. 3. С. 190.

Желание скрыться под маской есть у Поприщина и Голядкина. Но «фантазии» героев Гоголя и Достоевского отдают бредом, болезнью и приводят их в сумасшедший дом. Вымысел Смурова — игра, которая помогает ему выжить.

Так, внутри замкнутого, очерченного литературной традицией круга, населенного «маленькими» людьми Гоголя и Достоевского, появляется набоковский человек, наделенный счастливым даром «...наблюдать, соглядатайствовать, во все глаза смотреть на себя, на других...» (11, 345).

